

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ГРОЗНОГО

В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям. Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста.

ста. Бояре надеялись заполучить ему в невесты польскую принцессу. Но переговоры с польским королевским домом не увенчались успехом, и дума вынуждена была пожертвовать теми внешнеполитическими выгодами, которые сулил династический брак. Тогда-то 16-летнему великому князю были подсказаны веские доводы, изложенные им (по летописной версии) в речи к думе и духовенству. «...Помышляя еси жениться в иных царствах, — заявил Иван (и это была сущая правда), — у короля у которого или у царя у которого, и яз... тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочю жениться для того, что яз отца своего... и своей матери остался мал, привести мне за себя жену из ыного государьства, и у нас нечто норovy будут разные, ино между нами тшета будет; и яз... умыслил и хочю жениться в своем государьстве...» Соображения по поводу несходства характеров имели второстепенное значение по сравнению с соображениями религиозными. Окрестные владетельные дома придерживались еретической, в глазах московских ортодоксов, веры. Из-за подобного затруднения Василий III не мог жениться до 25 лет. В конце концов молодой Иван решил во всем следовать примеру отца. Боярская дума утвердила приговор о представлении ко двору лучших невест в государстве. Бояре и окольные тотчас же разъехались во все концы страны, чтобы смотреть невест. Впереди бояр ехали гонцы с грозными наказами. Всем дворянам, имевшим дочерей 12 лет и старше, повелевалось без промедления везти таковых к наместникам на смотрины. За утайку невесты дворянам сулили великую опалу и казнь. При русском бездорожье всероссийские смотрины грозили затянуться на много месяцев. Между тем бояре, не ожидая съезда провинциальных невест, привезли во дворец своих дочерей и племянниц. На боярских смотринах царю сосватали Анастасию, дочь окольного Романа Юрьевича Захарьина. Отец царской невесты был ничем не примечательным человеком. Зато ее дядя подвизался при малолетнем Иване в качестве опекуна, так что великий князь знал семью невесты с детства. Родня царя Глинские не видели в Захарьиных опасных для себя соперников и не противились избранию Анастасии.

Первый брак Ивана длился 13 лет. В этом браке у царя было шестеро детей, но только двое остались живы. Его дочери — царевны Анна и Мария — умерли, не достигнув года. Третьим ребенком был царевич Дмитрий. Когда ему минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути младенец погиб из-за нелепой случайности. Передвижения наследника сопряжены были со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв. Так погиб старший из сыновей Грозного, царевич Дмитрий I.

Второго сына, царевича Ивана, Анастасия родила 28 марта 1554 г. Еще через два года у нее родилась дочь Евдокия. Сын выжил, а дочь умерла на третьем году жизни. Третий сын — царевич Федор — родился в царской семье 31 мая 1557 г. Здоровье Анастасии было к тому времени расшатано, ее одолевали болезни. Младенец оказался хилым и слабоумным.

Частые роды истощили организм царицы, она не дожила до 30 лет. Анастасию похоронили в Вознесенском монастыре, в Кремле. На ее похороны собралось множество народу, «бьаше же о ней плач немал, — добавляет летописец, — бе бо милости ва и беззлоблива ко всем». Сходными были отзывы иностранцев о характере царицы. По словам англичанина Джерома Горсея, Анастасия «была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом». Однако Горсей прибыл в Россию после смерти царицы и записал отзыв о ней с чужих слов. Источники не сохранили указаний на то, что Анастасия активно вмешивалась в государственные дела.

Сколь бы «беззлобливой» ни была царица, она не осталась в стороне от конфликта между ее братьями Захарьиными и Сильвестром. Впрочем, все ее усилия помочь братьям не при-

вели к успеху. Вплоть до кончины Анастасии Сильвестр сохранял влияние на царя, тогда как Захарьины отступили в тень.

Перемены, происшедшие после смерти Анастасии, связаны были с внешними обстоятельствами, с разрастанием политического кризиса. Однако современники сочли возможным связать эти перемены с переменами в царской семье. В «Хронографе 1617 года» можно прочесть, что после кончины Романовой царь сильно переменялся, «превратился многомудренный его ум на нрав яр».

Отношения супругов нельзя назвать безоблачными, особенно к концу жизни царицы. Много лет спустя, когда Курбский упрекнул Ивана в безнравственности, тот ответил откровенно и просто: «Буде молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы». Молва о предосудительном поведении царя проникла в летописи. «Умершей убо царице Анастасии, — записал летописец, — нача царь яр быти и прелюбодействен зело». И все-таки царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. На похоронах ее Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах. Неделью спустя после смерти Анастасии Макарий и епископы обратились к царю с неожиданным ходатайством. Они просили, чтобы царь отложил скорбь и «для крестьянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». За заботами о нравственности Ивана скрывался политический расчет. При дворе было много людей, недовольных засильем Захарьиных. Все они надеялись на то, что родня новой царицы вытеснит из дворца Захарьиных, родню умершей Анастасии.

Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста — княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир-Гуки, — была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полубил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам

под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила свадебного веселья. Все помнили о том, что произошло в столице в 1547 г. после первой царской свадьбы.

Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и даже подавала царю кое-какие советы (об учреждении стражи наподобие той, которая была у горских князей, и пр.). Мария Черкасская родила царю сына, нареченного Василием. Но сын умер в младенчестве.

Ходили слухи об отравлении Марии Черкасской. Но эти слухи легендарны. Перед кончиной Мария в 1569 г. ездила с мужем в Вологду и там заболела. Известия о «заговоре» в Новгороде принудили Ивана поспешить в Москву. Больную жену он доверил везти за собой боярину Басманову. Путь был труден и долог. Больную Марию привезли «по наказу» в Александровскую слободу, где она вскоре и умерла.

Еще до свадьбы с Черкасской Иван IV затеял сватовство к одной из сестер польского короля. Приданым принцессы должна была стать Ливония. Но этот проект был отклонен поляками. Русские послы, ездившие в Польшу в 1560 г., вернулись ни с чем.

В 1567 г. шведский король Эрик XIV, добивавшийся заключения союзного договора с Россией, вознамерился выдать замуж за царя Екатерину Ягеллон. Эта идея воодушевила Грозного. Но ее осуществление натолкнулось на большие препятствия. У Екатерины был муж герцог Юхан, младший брат шведского короля, а у Грозного — законная жена Мария. Брак с Кученей, по всей видимости, не удовлетворял самодержца. Он стал настаивать на скорейшем осуществлении проекта и направил в Стокгольм посольство, которое должно было доставить на Русь шведскую герцогиню.

Проект Эрика не был порождением его безумия. Король упрятал брата Юхана в тюрьму и хотел его казнить.

Даже после переворота в Швеции и восшествия на трон Юхана III самодержец не отказался от своих замыслов. В июне

1570 г. он передал шведским послам требование, чтобы король Юхан III отдал царю «его невесту Екатерину». К тому времени Иван был вдовцом и надеялся, что брак с сестрой бездетного короля Сигизмунда II подкрепит его претензии на польскую корону. Находившиеся в Москве польские послы официально заявили, что польский Сенат рассматривает вопрос об избрании царя или его сына на польский трон.

На помин Марии Грозный дал больше денег, чем на помин Анастасии. Но это не значит, будто к кабардинской княжне он «был гораздо более привязан». Муж при живой жене подумывал о разводе с ней и браке с Екатериной.

Во время смотрин 1570–1571 гг. государь выбрал сначала Марфу Собакину, а после ее скоропостижной смерти — Анну Колтовскую. Обе царские невесты были коломенскими дворянками. Четвертый брак был заключен царем в нарушение всех церковных правил. Духовенство не смело перечить самодержцу. Как значилось в решении Священного собора, церковь разрешила царю брак «ради его теплого умиления и покаяния». Собор принял решение наложить на государя епитимью. В течение года ему запрещалось входить в церковь, исключая праздник Пасхи. Во второй год ему надлежало стоять в церкви с грешниками, на коленях. Лишь на третий год монарх мог молиться вместе с верующими и принимать причастие. Однако все эти запреты сводила на нет оговорка: «А пойдет государь против недругов за Святые Божия церкви, и ему, государю, епитимья разрешити». Поскольку война не стихала ни на один месяц, царь мог не беспокоиться насчет епитимьи.

Опасаясь, что пример благочестивого государя пагубным образом повлияет на нравственность народа, собор указал «всем человеком», от бояр до простых, «да не дерзнет (никто) таковая сотворити, четвертому браку сочетатися», «аще кто гордостью дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити... да будет за таковую дерзость по священным правилам проклят».

Колтовские были вовсе не знатными дворянами. Отец царской невесты «в полону умер», так что она была сирота. У нее не было могущественных покровителей, а потому никто из ее

ближайших родственников не получил боярского титула. Грозный благоволил к своей молодой супруге. Доказательством тому служило его завещание. В случае смерти мужа Колтовская должна была получить удельное княжество со столицей в древнем Ростове.

Колтовские не прижились при дворе, а красоты и свежести Анны оказалось недостаточно, чтобы усидеть на троне среди бурь, сопровождавших отмену опричнины. Свадьбу отпраздновали не ранее апреля 1572 г., а в сентябре царица приняла постриг. Брак продолжался менее полугода.

В то время Малюта был в зените славы. Очевидно, дело не обошлось без него, и он способствовал разводу. Возможно, его беспокоило стремительное возвышение нового временщика князя Бориса Тулупова. Князь выдал сестру за царского шурина Григория Колтовского, брата царицы Анны, и тем породнился с семьей самодержца.

Бывшая царица приняла в иночестве имя Дарья и была отослана в один из новгородских монастырей. Там она прожила более 50 лет.

Будучи глубоко религиозным человеком и претендуя на роль высшего судьи как в мирских, так и в церковных делах, Иван IV, по-видимому, не мог избавиться от мысли о незаконности четвертого и последующих браков и с удивительной легкостью расторгал их. В монастырь были отправлены сначала Анна Колтовская, а потом и пятая жена — Анна Васильчикова.

Васильчиковы принадлежали к дворовым детям боярским, служившим по Кашире. Никто из родни новой царицы не получил боярского титула.

Пятый брак был абсолютно незаконен, и потому свадьбу играли не по царскому чину. На свадьбе отсутствовали великие бояре, руководители думы. На брачный пир пригласили немногих «ближних людей». Из 35 гостей 19 принадлежали к роду Колычевых. Иван Колычев был главным дружкой невесты Анны Васильчиковой, другой Колычев водил царский поезд.

Семейную жизнь государя определяла большая политика. В 1573 г. Малюта Скуратов погиб в Ливонии, а его место при дворе занял боярин Василий Умной Колычев. Он-то и был покровителем Васильчиковой.

Первое послеопричное правительство, которое возглавляли Колычевы и Тулупов, не смогло умиротворить страну, потрясенную террором. Его вожди были обвинены в измене и преданы жестокой казни. Когда покровители Васильчиковой — новоявленные изменники — были казнены, Анне поневоле пришлось удалиться в монастырь.

Первые признаки надвигающейся опалы появились сразу после свадьбы Анны. В промежуток времени между 15 и 28 апреля 1575 г. Василий Умной и двое братьев царицы Анны Григорий и Назарий Васильчиковы дали вклад в Троице-Сергиев монастырь по 50 рублей каждый. То был знак надвигающейся опалы. Пятый брак царя не продлился и года.

Царь Иван мог бы уподобиться английскому королю Генриху VIII, казнившему своих жен. На самом деле ни один волос не упал с головы разведенных цариц, родственниц опаснейших «заговорщиков».

Отношение Грозного к женам отразилось в заупокойных вкладах. Троице-Сергиев монастырь получил от него вклад по царице Анастасии — 1000 рублей, по Марии Темрюковне — 1500 рублей, по Марфе Собакиной — 700, по Анне Васильчиковой более 850 рублей.

Высшее духовенство не одобряло незаконные браки государя, но обличать его не смело. Папский посол Антонио Посевино, будучи при царском дворе, разузнал, что духовник повсюду следует за царем, но «хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто женат более трех раз».

Браки царя не были браками по чувству. Его семейная жизнь была открыта для политических бурь. Оттого подданные не успевали рассмотреть лица цариц, которых приводили во дворец временщики.

Кажется, только в одном случае женитьба Грозного была связана с увлечением. В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» можно прочесть, что он «обручился со вдовою Василисою Мелентьевою, еже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковых не бысть в девах, киих возяще на зрение царю». Свидетельство «Хронографа» можно было бы отвести как сомнительное, если бы оно не было подтверждено Карамзинским летописцем. О царе Иване Васильевиче, записал летописец, сказывают, что «имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем». Неожиданная архивная находка окончательно прояснила дело. В подлинных писцовых книгах по Вяземскому уезду XVI в. значилось: «Государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии летом 7087 (1579) года... поместьем пожаловал Федора да Марью Мелентьевых детей Иванова в вотчину». Писцовые книги зафиксировали поразительный случай. Дети дьяка Мелентия Иванова получили от Грозного свое поместье в вотчину. То было неслыханно щедрое пожалование. За Мелентьевыми было закреплено «в вотчину» 500 десятин поместной пашни вместе с обширными лугами и лесами. Сироты дьяка не имели особых заслуг перед государством, кроме одной. Незадолго до пожалования земель их мать — вдова Василиса — стала шестой женой царя, а вернее, не женой, а «женищем». Соблюдая репутацию благочестивейшего монарха, Иван взял молитвенное разрешение на сожителство с Василисой, покорившей его своей неслыханной красотой. Союз с незнатной вдовой дьяка не связан был с какими бы то ни было расчетами. Шестой брак Грозного был счастливым, но недолгим. Он совпал со временем последних военных успехов царя и прекращения казней. Вдова рано умерла. Падчерица Грозного Мария Мелентьева вышла замуж за Гаврилу Пушкина, одного из предков А.С. Пушкина.

Всю жизнь великий государь избегал вдовства. Он верил, что только в браке может спастись от греха прелюбодейства, блуда. Самодержец вел жизнь, которая неизбежно должна была подорвать его могучий организм. Он все чаще болел, искал врачей по всей Европе. Но врачи не могли помочь ему. Задумав в очередной раз жениться, он не решился устраивать новые

смотрины, наподобие опричных смотрин 1570–1571 гг., а положился на вкус последнего временщика — всесильного Афанасия Нагова, сына боярина Федора Нагова. Нагие были куда знатнее Собакиных и Васильчиковых. Афанасий сосватал государю свою племянницу Марию. Свадьба была сыграна за три года до смерти Грозного. Духовенство не осмелилось гневить вспыльчивого монарха. Показав «теплое умиление и покаяние», тот вновь избежал церковного проклятия.

Свадьба была сыграна не по царскому чину. На ней веселились Нагие, Бельские и Годуновы. После счастливых дней, проведенных со вдовой, жизнь с юной Нагой, кажется, была в тягость Ивану.

В браке с Нагой у Грозного родился сын Дмитрий. Он страдал жестокой эпилепсией. Дитя седьмого брака, царевич был, по церковным представлениям, незаконнорожденным. Но пока жив был его отец, никто не смел сказать об этом вслух.

Еще во времена опричнины Иван задумал в случае мятежа искать спасения в Англии. Лейб-медик Бомелей подал ему мысль посвататься к «пошлой девице» (старой деве) Елизавете, королеве Англии. Планы царя не встретили одобрения в Лондоне, и тогда он решил жениться на одной из родственниц королевы — Марии Гастингс. В глазах «жениха» его брак с Нагой не мог служить помехой для нового сватовства. Посол Писемский дал по этому поводу такие разъяснения английскому двору: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королевина племянница дородна и того великого дела (брака с царем) достойна и государь наш... свою оставя, зговорит за королевину племянницу».

Брак с английской принцессой должен был поднять престиж династии, поколебленный военными поражениями, а кроме того, облегчить заключение военного союза между Россией и Англией.

Своему послу Федору Писемскому Иван IV наказал навести подробные справки насчет приданого английской невесты, а для этого непременно разузнать, «чья (она) дочь и какова князя удельного... и брат родной или сестра родная есть ли?». Царь желал иметь представление, чем владеет семья Гастингс и будет

ли его жена наследницей удельного княжества. Очевидно, он надеялся в случае вынужденного отъезда в Англию получить вместе с рукой Марии Гастингс ее удельное княжество, которое стало бы последним прибежищем для него и его слабоумного сына. В конце концов брачный проект царя так и не осуществился. Королева отказала Грозному под предлогом слабосилия и расстройства здоровья 30-летней невесты. Английский посол заявил, что «королева племянница княжна Мария (по родству от королевы) всех племянниц дале, а се больна и рожеей не самое красна». Лицо «невесты» было испорчено оспой.

Неудача ничуть не смутила Ивана. В 1583 г. в Москву прибыл английский посол Джером Боус. В беседе с ним царь выразил твердое намерение послать в Лондон новое посольство и сосватать себе другую родственницу королевы. По утверждению Боуса, Иван IV сообщил ему о своих сокровенных планах. Если бы королева Елизавета, заявил самодержец, «не прислала со следующим посольством такой родственницы, какой ему хотелось, то он собирался, забрав всю свою казну, ехать в Англию и там жениться на одной из родственниц королевы». То, что монарх решил отплыть в Лондон со всей своей казной (для такого груза потребовался бы не один корабль), заставляет предположить, что речь шла не о простом путешествии в целях сватовства, а скорее о переселении в Англию.

Увлечение Грозного английским делом не подлежит сомнению. В случае успешного сватовства при английском дворе царю Марию ждал монашеский клобук. Незавидной была бы и судьба младенца царевича Дмитрия.